

Хонорик

Владимир Сотников

Хонорик на тропе кладоискателей

«ЭКСМО»

2003

Сотников В. М.

Хонорик на тропе кладоискателей / В. М. Сотников — «Эксмо», 2003 — (Хонорик)

ISBN 5-699-17607-1

Приехав на летние каникулы в деревню, Макар, Соня и Лadoшка Веселовы думают, что им предстоит самый обыкновенный отдых. Но Макар словно притягивает к себе неприятности! То сам собой загорается рядом с ним стожок сена и Макара объявляют поджигателем, то ночью в заброшенной усадьбе гудит колокол, у которого давно нет «языка». Но самое необыкновенное начинается, когда у Макара обнаруживается загадочный талант: он чувствует, в каких местах спрятаны под землей старинные сокровища. Талант этот оказывается опасным – из-за него Макара хотят похитить. И если бы не помощь брата и сестры, а главное, смышленного домашнего хонорика по имени Нюк, мальчишке не помогло бы даже его умение дышать под водой и летать по воздуху...

ISBN 5-699-17607-1

© Сотников В. М., 2003

© Эксмо, 2003

Содержание

Глава I	8
Глава II	14
Глава III	18
Глава IV	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

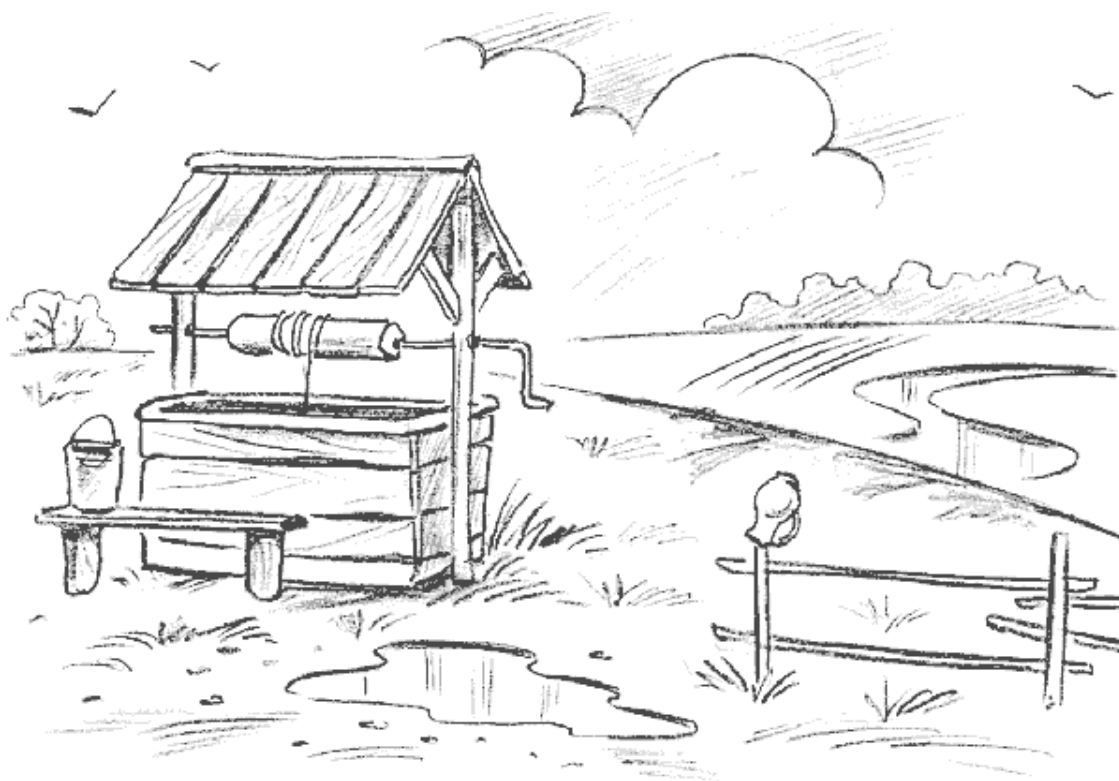
Владимир Михайлович Сотников

Хонорик на тропе кладоискателей

Глава I

Пожар

«Неужели все повторится?» – со страхом подумал Макар, пробираясь вдоль изгороди. Он взглянул на часы. До полуночи оставалось десять минут.

Как ни странно, небо все еще было светлым, особенно над лесом, за которым час назад опустилось красное закатное солнце. Хотя что ж тут странного? В конце июня, как известно, дни самые длинные и темнеет совсем поздно. Даже звезды не разгорелись – Макар с трудом нашел только несколько слабеньких, едва различимых. И все-таки, если смотреть не на небо, а вокруг себя, то видно, что сумерки густеют с каждой минутой.

Изгородь закончилась, дальше простиралась лужайка с редкими невысокими кустами, а вдалеке поднимался пологий холм. На нем темнела бесформенная груда развалин – бывшая усадьба. Почти сто лет назад это было красивое здание с колоннами – Макар вспомнил, как вчера днем они рассматривали их остатки с уцелевшими каменными изразцами, различая в узорах монограмму.

– Буква «Г», – сказал папа. – Князь Гагарин.

– Космонавт? – хмыкнул Макар.

Но мама почему-то не оценила его шутку.

– У современных подростков прошлое не вызывает никакого уважения, – вздохнула она. – Все имена, названия – пустые звуки. Конечно, если столько смотреть телевизор... Для вас даже Геракл – не античный герой, а персонаж какого-то бесконечного дурацкого сериала. И Бетховен – это собака, и Гомер – это Симпсон. Ужас!

– Ничего не ужас, – проворчал Макар. – И имена для нас вовсе не пустые звуки. Знаю я прекрасно, что Бетховен – композитор, а Гомер – древнегреческий поэт. По-моему, ничего нет страшного в том, чтобы использовать их имена. Кстати, у Лешки кота зовут Толстой. Не

Толстый, а именно Толстой. И ничего, отзывается! И про Гагариных я знаю. Был такой космонавт – первый в мире. А князь Гагарин, наверное, жил здесь лет сто назад.

Макар даже удивился: до чего же он правильно и аккуратно отвечает, будто на уроке каком-то! Даже не повернулся язык шутить дальше. Наверное, оттого, что мама была какой-то грустной...

– Да, – еще раз вздохнула она, – жили люди в прекрасном месте в прекрасном доме, и все прекратилось. Дом превратился в развалины, развалины заросли травой... Даже маленькая часовня – вон та, у въезда – разрушена. Смотрите, только купол чудом уцелел!

Купол часовенки держался не на стенах, а на их остатках, и казалось, он вот-вот должен упасть.

– Странное место для часовни, – пожал плечами папа. – Интересно, какая тайна в ней сокрыта?

Таинственность часовни неожиданным образом подтвердилась вечером после прогулки, когда ребята вернулись сюда уже без родителей. Соня, старшая сестра Макара, несла с собой маленький мольберт, младший брат Ладощка прутиком воевал с крапивой, а Макар просто так осматривал окрестности. Соня расположилась на склоне холма и принялась срисовывать небо, которое еще хранило бледно-красный закатный цвет. Макар с Ладощкой бродили вокруг. Макар при этом поглядывал на часы: родители просили вернуться до темноты. Но окончательно темнеть стало лишь к полуночи.

Соня находилась ближе всех к часовне. Вдруг она застыла, подняв кисточку, и прислушалась.

«Неужели она и звуки старается изобразить на своей картинке?» – усмехнулся про себя Макар.

И тут он расслышал в неподвижном воздухе какое-то странное дребезжание. Стараясь определить источник звука, Макар повертел головой и стал приближаться к Соне. От нее до часовни было метров десять. Купол темнел на фоне неба. Казалось, что звук доносится из-под земли, а в куполе, словно эхом, отдается металлическое повизгивание.

– Что это? – испуганно прошептала Соня.

– Наверное, гроб под часовней открывается, – ляпнул Макар и сам не обрадовался своей глупой шутке.

Звук нарастал, и сомнений не оставалось: он доносился от часовни. Как будто кто-то все сильнее и сильнее водил напильником или пилкой по металлу – купол звенел и даже, казалось, вздрагивал. Соня ойкнула и оглянулась в поисках Ладощки. Он был уже рядом и тоже застыл, открыв рот и удивленно моргая глазами. Соня стала поспешно складывать свой мольберт.

– Пойдем домой, – прошептала она.

Но Макар, движимый любопытством, сделал еще несколько шагов вперед. Купол уже высился над ним, стены часовни с зияющими провалами были совсем рядом... Вдруг ему показалось, что в этих сквозных дырах мелькнула тень. И тут же большая черная птица вылетела из часовни и улетела к развалинам дворца.

«Так вот кто здесь звякал! – подумал Макар. – Когтями или клювом...»

Он уже собирался объяснить это Соне с Ладощкой, оглянулся на них, но... Звук не только не прекратился, а стал еще отчетливее и громче! Он нарастал с каждой секундой, звенел, дребезжал и доказывал, что там, под куполом, кто-то есть. Птицы такие звуки издавать, конечно же, не могли. Не птичий же здесь базар, в конце концов!

Если бы рядом с Макаром остались Соня с Ладощкой, он сделал бы еще несколько шагов. Может быть... Но Соня подхватила мольберт, схватила Ладощку за руку и побежала с холма, только и успев что напоследок позвать Макара. А одному приближаться к часовне вовсе не хотелось.

Макар догнал их за лугом у изгороди.

– Чего вы так испугались? – спросил он скорее машинально, у самого страх еще не прошел.

– Если ты такой смелый, почему сюда прибежал? – усмехнулась Соня. – Посмотрел бы, как открывается этот гроб. Шуточки твои дурацкие... И Ладощку ни к чему пугать.

Макар вздохнул. Облегченно вздохнул, конечно. Потому что здесь, на расстоянии, звук не казался таким страшным, он замирал, успокаивался. С каждым мгновением металлическое дребезжание исчезало, будто опять уходило под землю. Макар взглянул на часы.

– Странно, – пробормотал он, – купол звенел как раз в полночь... А сейчас начало первого, и звяканье прекратилось. Может, подождем еще?

– Нет уж, – решительно ответила Соня. – Ни к чему. С меня хватит!

Согласиться с сестрой Макару было нетрудно. Тем более что и Ладощка нетерпеливо прыгал на месте – торопился домой. Вернувшись, ребята ничего не сказали родителям и улеглись в кровати. Но Макар долго не спал, строя догадки об источнике странного звука.

«Завтра надо обязательно исследовать эту часовню», – решил он.

Днем ночные страхи куда-то исчезают. Но вместе с ними исчезают и придуманные ночью разгадки. Сколько ни лазил Макар вдоль стен часовни и в ней самой, ничего он понять не мог. Обычные старые кирпичи, железные балки и купол, изрытая земля прямо под куполом – ничего примечательного. Оставался только один выход: повторить вчерашнюю прогулку.

Соня ни за что на это не соглашалась.

– И тебе не рекомендую туда приближаться вечером, – сказала она. – Или позови папу, он не испугается.

Макар замахал руками. Папу! Да он сразу же поймет, что сын ищет приключений, и потребует, чтобы ребята ложились спать еще засветло. А если еще и мама выскажется по этому поводу – каникулы пропали. Можно смело вывешивать на стену распорядок дня с точным временем подъема и отбоя, приема пищи и маршрутов прогулок. И никакой самостоятельности.

А ведь у Макара были совсем другие планы! Раз уж родители взяли их с собой в эту глухую деревню под Владимиром, Макар собирался оттянуться по полной программе. Эта программа, существовавшая, кстати, и в виде сложенного вчетверо и спрятанного в карман листка бумаги под названием «Программа на каникулы», была обширной и вполне подошла бы для тренировки какого-нибудь элитного десантника. Макар собирался за лето научиться всему, что связано с человеческим обитанием на природе: хорошо плавать, лазить по деревьям, разжигать костер в любую погоду с полспички, маскироваться, изучить все повадки домашних и диких животных, ну и людей, конечно, живущих рядом... Пилить, колоть дрова, косить траву, ориентироваться на местности, узнать все приметы, по которым можно предсказать погоду, – все это тоже входило в «Программу».

Конечно, Макар догадывался, что не все можно запланировать и предугадать, поэтому в конце был и такой раздел: «Непредвиденные обстоятельства». К этому разделу относились надежды на всякие необычные явления – например, на встречу с НЛЮ или, на худой конец, с лешими или обычными привидениями. В деревне странностей больше, чем в городе, кто с этим будет спорить!

И кажется, этот купол, поющий страшную песню как раз в полночь, – первая встреча с такими странностями. Поэтому Макар ни в коем случае не мог последовать Сониному совету. Видите ли, она ему не рекомендует туда ходить! Понятное дело – Соня девчонка. Даже то, что она старше Макара на два года и ей уже исполнилось тринадцать лет, ни о чем не говорит. В глубине своей души девчонки – трусихи до старости. Попробуйте какой-нибудь старушке незаметно сунуть в сумку обыкновенную мышку. Ее визг вряд ли можно будет отличить от визга тринадцатилетней девчонки. А засуньте вы эту мышку в карман старичку – не только визга, но и вскрика не дождетесь. Достанет старичок мышку и только подумает при этом, что надо бы кота завести.

И вообще, родителей лучше не отвлекать. Это у Макара, Сони и Лadoшки каникулы, а у папы с мамой самая настоящая работа. Потому что они – ученые-этнографы и специально приехали в эту деревню со смешным названием Красные Петухи. Приехали, как говорится, за двумя зайцами. Только, вопреки пословице, они собирались поймать обоих этих зайцев. Во-первых, узнать на месте, как жили здесь люди в прошлом, – изучить их обычаи, быт; именно этим ведь и занимаются этнографы. А во-вторых, пожить всей семьей на природе, вдалеке от шумной и душной летней Москвы.

Это было совершенно необходимо, потому что семья Веселовых была не вполне человеческая. То есть, кроме людей, в нее входил забавный и необычный зверек – хонорик по имени Нюк. Похожий на кошку хонорик – смесь хорька и норки – жил в их квартире уже целых два года. Но до сих пор он ни разу не выходил на улицу дальше чем на Патриаршие пруды, да и то на поводке. Поэтому мама с папой опасались, что инстинкты предков заставят Нюка смыться куда-нибудь в лес, и, приехав в Красные Петухи, держали хонорика в клетке – на всякий случай. И Макару, и Соне, и Лadoшке даже стыдно было взглянуть в черные глаза-бусинки Нюка: хозяева-то свободны, а он – нет...

Макару очень понравилась родительская затея с поездкой в деревню. Москва надоела до чертиков, а если бы родители взяли их с собой только в отпуск, то это было бы совсем ненадолго. Ну, съездили бы на две недели куда-нибудь на море, и все. На море, конечно, хорошо, но что потом? Возвращаться в Москву, когда каникулы в самом разгаре? Не очень этого хотелось.

Соня и Лadoшка тоже были в восторге от поездки. Соня собиралась за лето нарисовать целую кучу пейзажей, а семилетний Лadoшка просто был счастлив видеть вокруг себя всяких животных – коров, коз и даже обычных кур. К тому же ему очень понравился огород за домом, в котором они поселились. Каждое утро Лadoшка выбегал посмотреть, на сколько подросли за ночь лук с редиской, морковь и горох; вполне возможно, что он в будущем станет ботаником. В хорошем смысле этого слова.

Макар думал обо всем этом, стоя у края изгороди. И вдруг он понял, что просто не решается идти дальше... Потому так и рас воспоминался – и про приезд в эту деревню, и про свою программу на каникулы, и про увлечения Сони с Лadoшкой. А ведь сейчас ему должно быть не до всяких посторонних размышлений. Достаточно вспомнить вчерашний вечер... Начало таинственных событий положено, и теперь надо сконцентрировать все мысли на них! Что за звук так испугал их вчера? Почему днем, сколько Макар ни прислушивался, он этого звука не услышал? И почему в самое мистическое время, как раз в полночь, звук раздался снова? И тем более в таком месте – в старой разрушенной часовне...

«Все, хватит задавать себе бесполезные вопросы», – решил Макар.

А то получается, что он попросту боится. Выбрался в одиночку на разведку, а сам стоит у изгороди, не решается идти дальше и рассуждает. А Соня, может быть, следит за ним откуда-нибудь от дома, а потом смеяться будет – скажет, что побоялся.

Впрочем, вряд ли Соня подглядывает за ним потихоньку, и посмеется над братом тоже вряд ли. Макар никогда в жизни не видел такой серьезной девочки, как его сестра. Конечно, видал он девчонок-зубрилок, таких аккуратных, что даже противно, но Соня совсем на них не похожа. Во-первых, она очень красивая. То есть это взрослые так говорят, а Макару приходится верить. Да и как не поверишь, когда все прямо столбенеют при виде Сони? Макар специально проверял на нескольких родительских знакомых, которые впервые приходили к ним домой. Ни одного прокола не случилось! Даже Нюк не вызывал такого удивления, как Соня, хотя хонорики ведь встречаются в квартирах гораздо реже, чем девчонки. И что в ней, если вдуматься, такого удивительного? Ну, волосы, конечно, необычные – не просто светлые, а серебряные. Ну, глаза довольно большие и зеленые, как у кошки. Макару казалось, что это совсем не повод для того, чтобы ахать и называть Соню русалочкой. Можно подумать, кто-нибудь видел живых русалок и может сравнивать с ними его сестру!

Макар считал, что самой Соне ее красота вовсе не пошла на пользу. Ведь большинство людей почему-то думают, что красивая девочка обязательно глупая, и единственное, что она умеет делать, – это показывать свою красоту. Например, рекламировать по телевизору шампуни или губную помаду. Вот Соне и приходится быть не просто умной, а очень умной – для того чтобы доказать обратное. Умной и серьезной. А попробуй-ка быть серьезным не один день и даже не неделю, а всегда! Макар однажды попробовал, но его терпения хватило только на три часа. С тех пор он сочувствовал сестре.

«Опять про всякие глупости думаю! – опомнился он. – Нашел время!»

Макар решительно двинулся в сторону кустов. Правда, на душе у него при этом все же было не очень спокойно. Но что делать? «Программа на каникулы» никогда не будет выполнена, если бояться.

Часы показывали без четверти двенадцать. Ждать оставалось недолго. Повторится или нет этот звук? Как ни странно, хотелось именно повторения, хотя, конечно же, другой вариант был бы поспокойнее, что ли. И почему это самое интересное в жизни связано с усилиями, с преодолением лени, страха, наконец?

Макар отогнал от себя очередные размышления. Не время, совсем не время! Завтра можно будет обо всем порассуждать.

Он поднимался по склону, как древний воин к стенам крепости – касаясь руками травы, замирая и прислушиваясь. Только вот оружия в руках не было. Зачем оно? Его «вооружение» – собственные уши, только они и могут помочь разобраться во всем. Ну и глаза, конечно. Интересно, сидит ли в часовне вчерашняя птица? От этой мысли легкий морозец пробежал по телу. Если обычная птица вызывает страх, то что будет, когда... Дальше Макар в своих предположениях предпочел остановиться. Не хватало только пугать себя заранее!

Купол чернел в небе над самой головой. Макар сел на траву и стал ждать.

Через минуту он почувствовал прямо под собой легкий стук, как будто кто-то выбирался из-под земли... Неужели звук изменился? И вдруг сверху, от купола, явственно стало доноситься дребезжание. Стук слился с этим позвякиванием в тоненькое повизгивание, напоминающее работу напильника по металлу.

Замерев, Макар все же нашел в себе силы оглянуться. Так хотелось, чтобы звук донесся откуда-нибудь издалека, из другого места! Но сомнений быть не могло: звенело под куполом. Там... кто-то был! Ведь звук не может возникать сам по себе, без всякого источника.

А звук становился все отчетливее, даже купол, казалось, подрагивал. Или, может, это только казалось? Макар непослушной рукой притронулся к волосам – они словно шевельнулись под ладонью.

Ноги сами собой стали перебирать траву в обратную сторону. Макар стал отползать на четвереньках от часовни. Звук уже достиг высшей точки, купол звенел и дребезжал всюду. И зубы Макара стали предательски выбивать, словно в такт, мелкую дробь...

Он сполз со склона так быстро, что не заметил, как очутился у первого куста. И звук вдруг стал замирать! Но не из-за отдаленности, а сам по себе. Только легкое гудение продолжало эхом звучать под куполом.

Макар медленно поднялся во весь рост. И только спустя несколько секунд, увидев, как проплывают мимо кусты, он понял, что бежит обратно. Сердце стучало под каждый его быстрый шаг.

У изгороди он остановился, переводя дыхание. Вот и вся разведка! Что нового он узнал?

«Хотя, – успокаивал себя Макар, – подтвердилась догадка о том, что звук появляется в одно и то же время».

Над этим еще предстояло поломать голову. Ведь такие события не могут повторяться просто так, и ровно в полночь...

Вдруг на лугу что-то сверкнуло. Макар взгляделся. Посреди кустов стоял небольшой стожок высушенного сена, и это в нем блеснул и покачнулся яркий язычок. Потом он стал расти вверх, увеличиваться прямо на глазах.

«Это же... огонь!» – понял Макар.

Через несколько секунд пламя было уже выше стожка. Затрещало сено, яркий огонь осветил траву вокруг.

От дома донесся чей-то вскрик, потом раздался папин возглас: «Горит!» – и несколько теней метнулись вдоль изгороди. Макар бросился навстречу. Впереди бежали мама с папой и Соня, следом за ними – Лadoшка.

– Что это? – крикнул папа, увидев Макара. – Ты где был? Это ты поджег?!

Макар словно онемел. Он ничего не мог ответить, только отрицательно мотал головой.

– Ты баловался со спичками? – торопливо спросила мама. – Зажег сено?

– Нет, нет! – наконец крикнул Макар. – Какие спички? Я не подходил к этому стожку!

– А что же ты здесь делал? – воскликнул папа. – Ладно, что это мы расспросами занялись!

Тушить уже поздно, даже подойти не удастся. Теперь будет полыхать, пока не догорит.

– Хорошо, что ветра нет, – пробормотала мама. – Но он же не мог сам загореться...

На улице уже раздавались тревожные крики, звякали ведра.

– Макар, Соня! – окликнул папа. – Отойдите подальше, к дому, возьмите с собой Лadoшку. А мы... Мы пойдем к людям. Если кто-то видел Макара, то наверняка подумают, что поджег он!

Подумают! Макар даже вздрогнул от этого предположения. Ничего себе, как он влип! Родители, допустим, поверят, что он ни при чем... Но как это объяснить людям? Вон они стоят, выбежав из-за соседнего дома, смотрят на высокий столб пламени. Конечно, тушить никто не собирается – бесполезно.

– Красиво! – громко прошептал Лadoшка. – Но страшно...

От толпы доносились крики. Явственно слышалось, как что-то взволнованно объясняет папа.

– Это правда... не ты? – спросила Соня.

Макар взорвался:

– Не веришь? Что я, полный идиот? Я только к часовне сбегал, и все... А вот что случилось! По-моему, здесь тайн, как искр над этим огнем!

И он протянул руку в сторону горевшего стожка. Зрелище действительно было пугающим и завораживающим.

Макар не помнил, долго ли они смотрели на огонь. Время, казалось, исчезло. Когда на месте стожка осталось красное мерцающее пепелище, вернулись родители.

– Ладно, идите спать, – сказал папа. – Завтра будем разбираться. И может быть, объясняться.

«Значит, все-таки пришлось ему доказывать соседям, что мы ни при чем, – подумал Макар. – Как же это несправедливо!»

Странно – родители не требовали никаких объяснений. Наверное, и правда решили отложить все на завтра. А может, просто переволновались. Переволновались... И слова подходящего не найдешь для названия всего, что произошло!

«Кажется, – думал Макар по дороге в дом, – события разворачиваются таинственно и стремительно. Даже чересчур».

Что будет дальше, он не в силах был предположить. Быстрее бы вернулись способности размышлять! Но помогут ли они, эти способности?

Глава II

Странный визит

Пожар стал тайной номер один. Тайна звенящего купола отступила на второй план.

«Сколько их еще будет, этих тайн? – думал Макар, проснувшись и лежа утром в кровати. – Конечно, интересно распутывать всякие непонятности, но если они будут множиться с каждым днем и с такой скоростью... Тем более если меня подозревают в поджоге, то ничего и не удастся расследовать. Направо пойду, скажут – стожок хочешь поджечь, налево – дом чей-нибудь. Домашний арест, а не свобода!»

Вдруг он услышал за окном папин голос:

– Смешно, но я подумал: а может, неспроста деревня так называется? Красным петухом ведь издавна называли пожар. Наверное, здесь частенько что-нибудь горело.

– Ни с того ни с сего? – спросила мама. – Если горело, значит, кто-то поджигал. Может, ты прав, и название деревни связано с частыми пожарами, но причина этих пожаров, я уверена, самая обычная. Здесь же не зона аномальных явлений! И сено вчера кто-то просто поджег. Только это очень странно – обычно в деревне ценят труд. Ведь это сено косили, сушили, складывали... А кто-то взял и поджег. Зачем?

«Молодец мама! – мысленно похвалил ее Макар. – Как опытный сыщик рассуждает. И главное, меня не подозревает. Не ищет легких путей».

Выглядывать в окно Макар не стал. Пусть родители спокойненько разговаривают, а он послушает. Хорошо, что они поставили обеденный стол прямо под окнами, под густыми деревьями. Приятно завтракать, обедать и ужинать на свежем воздухе. Ну и беседовать, конечно.

– Ты считаешь, вчерашний пожар – чья-то преднамеренная выходка? – спросил папа. – Хулиганство? И это произошло как раз за нашим домом, и в то время, когда там гулял наш сын...

«А вот папа, похоже, не совсем уверен в моей непричастности», – с досадой подумал Макар.

И сразу же обрадовался маминой защите:

– Ну, он-то здесь ни при чем! Не верить своим детям – это глупости какие-то! Но меня тревожит это совпадение. Будто кто-то, как это сейчас называется, подставил его. Макара там могли видеть соседи, и вдруг этот пожар – конечно же, подумают на него.

«Вот именно, – подумал Макар. – Вот именно. Меня это тоже тревожит. Молодец мама, правильно рассуждает!»

– А тем более, – продолжала мама, – мне показалось, кое-кто из местных не очень нам рад. Соседи собирались своих родственников поселить в этот пустующий дом, уже и огород посадили, а мы приехали на все лето, к тому же с какими-то странными целями, которые людям кажутся просто игрой. С нами даже не все здороваются, ты заметил? Приняли нас за любопытствующих дачников, за бездельников, по местным понятиям.

– Но это уж слишком! – не согласился папа. – Можно до таких умозаключений дойти, что соседей бояться станем. Что мы, мешаем кому-нибудь? Получается, следует ждать, что и дом наш подожгут? Глупости какие-то!

Мама только вздохнула в ответ. И Макар, словно эхом, повторил этот вздох. Он уже собирался встать, когда услышал незнакомый бодрый голос:

– Мое почтение! Не помешал? А я ваш, так сказать, сосед. В деревне ведь все соседи! Григорий Григорьевич Клюев, художник. Ну и дачник, конечно, как и вы. Зимой в Москве обитаю, а летом приезжаю, так сказать, в родовое гнездо, в дедову избушку.

– Доброе утро, – поздоровался папа и представился: – Петр Петрович Веселов, моя жена Александра Александровна. Имена легко запомнить, впрочем, как и ваше. Люблю повторения, совпадения – все-таки в них можно увидеть какой-то смысл. Милости просим, присаживайтесь. Кофе?

– Спасибо, не откажусь, – так же бодро ответил гость. – Для дачника кофеек с утра приятен, что и говорить. О Москве напоминает, но хорошо, черт возьми, попивать на природе и не спешить на работу. Дачное настроение – счастье! А насчет смысла – в чем же он, позвольте спросить, если имя-отчество одинаковое?

– Ну, как же? – удивился папа. – У нас троих повторяющиеся имена. Значит, что-то нас объединяет. Есть что-то общее.

– Да? – насторожился гость. – Что же? Может быть, то, что мы дачники?

– Может быть, – согласился папа. – Но мы, как бы это выразиться... Не совсем дачники. Собираем здесь материал для работы – мы этнографы.

– О, это замечательно! – обрадовался Клюев. – Приятно, очень приятно видеть ученых в наших Петухах.

– Красных Петухах, – уточнил папа. – Кстати, после вчерашнего пожара мы поняли, почему деревня так называется. И что, часто такое бывает?

– Вы имеете в виду пожар? Бывает, бывает, – ответил гость. – Особенно летом, когда дачники приезжают.

«Вот понравилось ему это слово! – подумал Макар. – Дачники, дачники...»

– Бродят дачники по деревне, гуляют, бросают спички где ни попадя, – продолжал Клюев. – Вот стожки и вспыхивают.

«Что-то не видел я вчера никаких дачников на лугу, – подумал Макар. – Или они невидимки?»

– Кстати, – сказал Клюев, – вашего сына вчера заметили как раз на этом лугу. Он у вас мальчик приметный, его ни с кем не перепутаешь – с такими-то веснушечками... Что мог подросток делать возле стожков? Да еще в такое позднее время.

Макар встрепенулся от этих слов, а папа даже закашлялся:

– Вы... что, хотите сказать... что это наш сын поджег?

– Нет, что вы! – Гость засмеялся неприятным смехом. – Я же не ссориться с вами пришел, а только предупредить. Никто не может утверждать, что ваш мальчик чиркал у сена спичками. Но местные... Это такой народ – им лишь бы найти виноватого! И кстати, мне уже соседи жаловались, что видели вас в самых неожиданных местах. Говорят, ходите все, что-то разыскиваете... Не нравится это местным!

– Да кому не нравится? – удивленно спросила мама. – Никаких претензий никто не высказывал. И к тому же – почему мы не можем гулять, где нам вздумается?

– Можете, можете, – продолжал смеяться Клюев. – Вы не обижайтесь, а поймите меня правильно. Всех расспрашиваете, в усадьбе старой что-то вынюхиваете... Местные, наверное, решили, что вы клад какой-нибудь разыскиваете. А потом и пожар этот! Вот я и предупреждаю: будьте осторожнее, не обозлите местное население.

– Глупости какие-то! – воскликнула мама. – Вы, Григорий Григорьевич, говорите... странные вещи. И никогда раньше с подобным нам сталкиваться не приходилось. Какой клад? Каким образом мы можем злить соседей?

– Не злить, не злить, уважаемая Александра Александровна! – каким-то притворным и оправдывающимся тоном произнес Клюев. – Я неточное слово сказал. Может быть, лучше сказать: раздражать... Все-таки стожок сгорел, вашего мальчика видели рядом, вы тоже там часто гуляете. Вот я и говорю: не привлекайте к себе внимания. Продолжайте свою работу, кто ж вам запрещает, только повторяю: ваш интерес к усадьбе может вызвать у местных самые невероятные суждения. А кстати, глупые сплетни можно было бы предупредить. Например, устроить

какую-нибудь познавательную лекцию об этой усадьбе. Знаете, ведь такие места хранят много тайн. Клады, сокровища... Людям интересно было бы послушать какую-нибудь занимательную историю.

«Второй раз он про клад упоминает! – подумал Макар. – Как маленький... Книжки бы лучше про пиратов читал».

– Да нет, – удивленно ответил папа, – не знаем мы никаких занимательных историй. А усадьба и правда может много тайн в себе содержать. Интересное место!

– Вот и я говорю – интересное, – поддержал его Ключев. – Но... страшное. Там такие шорохи по ночам и такие звуки, что жутко становится. Вы бы поостерегли ваших детей, чтобы они не ходили туда ночами.

– Ночами наши дети спят! – сказала мама. – Но за предупреждение спасибо. Только уж позвольте нам поступать так, как мы сами считаем нужным.

– А, вот и наш подозреваемый! – воскликнул Ключев.

Это Макар не очень осторожно выглянул в окно. Он бы, наверное, сумел незаметно спрятаться за занавеской, но очень уж необычно выглядел утренний гость. Голова его была абсолютно лысой. Такой лысой, что солнце, отражаясь, засияло на гладком блестящем черепе, ослепив на мгновение Макара.

– Доброе утро, – смущаясь, проворчал он. – Никакой я не подозреваемый. И спичек я с собой почти никогда не ношу. А что за звуки там, в усадьбе, как вы думаете?

– Это хорошо, что ты подслушал наш разговор, – сказал Ключев. – Родителям не придется тебе его пересказывать.

– Знаете, – сердито сказала мама, – я вовсе не собиралась пересказывать наш разговор детям. Мне кажется, вы преувеличиваете.

– Жизнь покажет, жизнь покажет, – глубоко вздохнул Ключев. – Что ж, до свидания. Спасибо за кофе.

После ухода лысого гостя на несколько минут воцарилась полная тишина. Прошли к умывальнику Соня с Ладоской, сказали всем «доброе утро», а родители с Макаром словно оцепенели.

– Что это с вами? – спросила удивленная Соня. – Не проснулись окончательно?

– Что за странный визит? – пробормотал папа, не отвечая Соне. – Такое ощущение, что мы и правда кому-то мешаем...

– А по-моему, – сказала мама, – надо не обращать внимания на это, с позволения сказать, предупреждение. Доброжелатель нашелся! Да еще говорит таким тоном, будто мы виноваты перед ним. Неприятный, нахальный тип!

Папа покашлял и нахмурился. Наверное, ему было неудобно, что он позволил этому Ключеву вести себя так нахально.

– Ну конечно, – притворно вздохнул Макар. – Конечно, вы сейчас запретите нам и нос высовывать из дома...

Макар рассчитал правильно. Мама даже из-за стола вскочила:

– Что?! Я буду слушаться каких-то странных типов? Ни-ког-да! Гуляйте где хотите. Правда... все-таки будьте осторожны.

Макар не удержался и подмигнул Соне с Ладоской. Вот так надо общаться с родителями – нажимать на самые тайные струны их психики! Свобода передвижения теперь обеспечена. Только вот разобраться бы, с чего начинать эти передвижения... Ждать вечера, чтобы повторить вылазку в усадьбу? Опять слушать страшные звуки? А что толку? Можно это повторять сто раз, а результата так и не дожидаться. Но ведь необязательно секреты разгадываются только ночью, день тоже для чего-то существует. Хотя бы для того, чтобы узнать подробнее, что за тип этот Ключев Григорий Григорьевич.

– Странное дело, – вдруг с удивлением сказала мама. – Когда мы ходили гулять к этой усадьбе, я совсем ею не интересовалась! Просто любовалась, и все. А сейчас, после этого разговора, мне почему-то захотелось как можно больше о ней узнать.

– Мам, тебя же предупредили, – опять использовал свою хитрость Макар. – Этот Григорий Григорьевич просил не ползать по усадьбе!

Мама просто вспыхнула:

– Ах, просил? А знаешь, Макар, что я говорила в детстве, когда меня просили, а я собиралась сделать все равно по-своему? Я говорила: ты забыл сказать волшебное слово и поэтому я сделаю как хочу.

«Вполне возможно, что мы с мамой как-нибудь в полночь столкнемся нос к носу у часовни», – подумал Макар.

– Хорошо бы почитать про этот дворец, – сказал он. – Жалко, нечего.

– А вот я в Москву собираюсь на денек, – хмыкнул папа. – Подыщу вам литературу, любознательные вы мои. Сами узнаете побольше о дворце, а потом и другу нашему новому, дачнику-художнику, расскажете.

«Ну, это вряд ли, – весело подумал Макар. – Много будет знать лысый художник – скоро состарится. Достаточно ему сведений о страшных звуках и каких-то сказочных кладях. Только жалко, конечно, что этих кладов не существует».

Глава III

Первая неудача

Мама не стала ждать новых визитов. Узнав, кому принадлежал сгоревший стожок, она сама пошла к соседям. И вскоре вернулась, радостная и удивленная одновременно.

– Ничего не понимаю, – сказала она. – Милые, приветливые люди. У них и в мыслях нет подозревать нашего Макара. Конечно, они расстроены, и это можно понять, но меня сразу же принялись успокаивать. Не волнуйтесь, говорят, не переживайте. Сейчас засуха, кто-то неосторожно бросил непотушенный окурок – может, пастух, может, еще кто... Дети здесь такими вещами не балуются – ни свои, ни приезжие. Странно!

Макар повеселел. Приятно быть не подозреваемым, а самым обычным человеком, у которого к тому же развязаны руки для дальнейших расследований. А расследовать было что – кроме таинственной часовни появился еще и стожок. Правда, о стожке правильное было бы сказать, что он не появился, а исчез. Но ведь тайна его вместе с ним не исчезла, не так ли? Иногда с исчезновением предметов степень их таинственности, наоборот, только возрастает.

Поразмыслив, Макар выработал стратегию своих действий. Он знал, что в любых делах, если их хоть сколько-нибудь планировать, должна быть стратегия и тактика. Стратегия – это самый общий план, а тактика – поведение в конкретных обстоятельствах. Вот Макар и решил: тактические действия можно проводить и в одиночку, а вот по стратегическим вопросам лучше посоветоваться с Соней. И Ладощку тоже, конечно, не надо оставлять в стороне.

Макар вспомнил, как в Москве они втроем отлично провели расследование, раскрыв тайну соседской квартиры, в которой появилось привидение... Тогда и Соне, и Ладощке нашлось применение. И если честно, Макару в одиночестве ни за что бы не справиться с тем запутанным дельцем. Так что и сейчас не стоило пренебрегать помощью сестры и брата, тем более что им тоже, наверное, не хотелось скучать в деревне без дела. Разве можно считать делом Сонины занятия живописью? А Ладощкины блуждания по огороду и вокруг дома? Даже просто в воспитательных целях Макар должен был привлечь их к расследованию!

Пришлось, конечно, выслушать от Сони упреки.

– Понял, к чему приводит твое одиночное геройство? – с довольным видом заявила она. – Хотел сам, один все узнать? Вот и попался. А если бы я тебя подстраховала, этого бы не случилось.

– Подстраховала! – обиженно передразнил ее Макар. – Да ты вчера всем своим видом показывала, что не собираешься больше к этой часовне ходить! Вот мне и пришлось одному. Кто же знал, что этот стожок загорится? Подстраховывай, если не трусишь, я не против.

– И необязательно бродить по окрестностям в темноте, – назидательно сказала Соня. – И дня вполне достаточно. Для начала, во всяком случае. Надо подробно обследовать и деревню, и усадьбу, не вызывая лишних подозрений.

Разве Макар против?

– А ты тоже, оказывается, слышала, что говорил этот лысый утром? – спросил он.

– Слышала, слышала, – ответила Соня. – Окна у нас открыты. Даже неудобно было: получилось, что я подслушивала.

«Неудобно! – подумал Макар. – Когда само все слышно, то что же неудобного?»

Так что со стратегией все было ясно: необходимо было установить общее наблюдение за деревней и усадьбой. А вот тактику ребята выбрали самую обычную: Соня отправилась со своим мольбертом к усадьбе, а Макар принялся учить Ладощку всяким премудростям природной жизни. Ну и сам, конечно, при этом стал осваивать эти премудрости на практике.

О разжигании костра не было и речи. После сгоревшего стожка... А вот маскироваться, плавать и лазить по деревьям Лadoшке понравилось сразу, несмотря на все трудности. У него даже лучше Макара кое-что получалось! Плавать Лadoшка умел еще с детского сада, маскироваться в высокой траве ему было легко, только вот с деревьями выходила незадача. Дело в том, что Макар не хотел просто лазить по деревьям вверх-вниз. Это ведь довольно скучное занятие. А вот прыгать с дерева на дерево по-тарзаньи – это уже интересно! Но такой способ передвижения не подходил Лadoшке из-за его небольшого веса.

За лугом, правее усадьбы, тоже на высоком холме, была березовая роща. Она-то и стала для ребят, во-первых, наблюдательным пунктом, откуда отлично просматривалась вся деревенская улица, а во-вторых, полигоном для тренировок. Пока Соня рисовала свои картинки, Макар выбирал среди берез те, которые были не очень толстые, но высокие и гибкие, и принимался за дело. На первый взгляд дело было простым: Макар лез вверх по березовому стволу, как по канату в школьном спортзале, а на достаточно большой высоте, когда березка начинала покачиваться, раскачивал ее еще больше и отцеплял ноги, повисая на одних руках. Гибкая березка плавно склонялась, и Макар, как на парашюте, опускался на землю.

Лadoшка просто завизжал от восторга, когда Макар прокатился таким образом впервые, и сразу же полез на дерево сам. Он был до того бесстрашный, что бояться за него приходилось окружающим. А к тому же у него была обманчивая внешность: из-за длинных волос, которые Лadoшка ни за что не соглашался остричь, он был похож на девочку. Это его ничуть не смущало, хотя обычно ведь мальчишки злятся, когда им говорят, что они похожи на девчонок. Но Лadoшка вообще не обращал внимания на то, что о нем говорят, и всегда вел себя так, как ему нравилось. Например, даже в школе откликался только на имя Лadoшка, хотя на самом деле его звали Володей – просто в раннем детстве он называл себя Лadoдя, вот к нему и приклеилось такое смешное домашнее прозвище, которое он привык считать своим настоящим именем.

У Лadoшки не хватало сил забраться по стволу высоко, да и березка не слушалась его – не хотела сгибаться. Макару приходилось подсаживать его, выбирая деревца потоньше, чтобы он испытал радость плавного приземления. Но ему это быстро надоело: Макар устал от поднимания Лadoшки, к тому же ему хотелось развить собственное мастерство.

Вскоре он сравнился в этом мастерстве с самим Тарзаном – не забирался по стволу вверх, а прыгал на него с соседней толстой березы. Это было зрелище! Для Лadoшки и Сони, конечно. Для Макара прыжок был сложным упражнением, требовавшим точного расчета и цепкости рук. Ведь высота была приличной, и если промахнуться... Но с каждым новым прыжком Макар чувствовал себя все уверенней. Особенно ему приглянулась одна сосна, на которую было легко взбираться. Рядом с ней стояли две березки, на них Макар и прыгал до тех пор, пока Соня не пожалела деревца:

– Хватит, Мак! – попросила она. – Наверное, они уже не распрямятся никогда.

– Ничего, – успокоил ее Макар, – они завтра опять будут вертикальными, у них же пружинная гибкость.

Но на всякий случай он помог березкам распрявиться, выровняв их в обратную от частого сгибания сторону. За час таких тренировок он устал не меньше, наверное, чем березки.

Речка, которая протекала у рощицы, восстановила силы и приятно освежила. Лadoшка мог плескаться в воде бесконечно, но что толку от обычного купания? Макар и речку использовал для тренировки. Он сломал длинную тростинку, дунул в нее для проверки проходимости воздуха и нырнул. Под водой он одной рукой вцепился в корягу, чтобы не всплыть, а второй держал у рта тростинку и дышал через нее, одновременно зажимая пальцами нос. Когда он вынырнул через несколько минут, то увидел испуганное лицо Лadoшки.

– Я подумал, – пробормотал тот, – что ты утонул.

– Утонул! – воскликнул довольный Макар. – Учись, пока я жив! Так можно скрываться под водой сколько хочешь. Только ты сначала на воздухе потренируйся, непросто же это.

Действительно, у Лadoшки не сразу получилось и нос зажимать, и одновременно тростинку удерживать. Маленькая ладошка была у Лadoшки! Но потом он приспособился и остался под водой не меньше Макара, выныривая с невыразимым восторгом на мордочке.

– Ладно, хватит плескаться, – остановил эти бесконечные ныряния Макар. – А то Соня волноваться начнет. Да у нас еще многое впереди, чему надо научиться.

Когда поднимались к роще, Макар повязал на голову майку, как бандану, и воткнул под нее несколько густых веточек. Потом опустился в высокую траву и пополз в ней. Над травой покачивались зеленые листья.

– Ух ты! – оценил его мастерство Лadoшка. – Как заяц.

– При чем тут заяц? – отмахнулся Макар, вставая из травы. – Заяц совсем не зеленый и прыгает. А при таком способе маскировки надо, наоборот, прижиматься к земле, как ужик. И даже не ползать зря, а затаиться и сидеть, сколько надо.

– А сколько надо? – спросил Лadoшка.

– Сколько потребуется, – недовольно поморщился Макар.

Неугомонный у него все-таки брат! Как можно ответить на такие глупые вопросы? Ведь Макар сам пока не знает, для чего все это потребуется и сколько надо будет сидеть в засаде.

– Ты пока учись у старших, – отмахнулся он. – Все пригодится в жизни. Особенно в нашей, деревенской.

Лadoшка с уважением посмотрел на Макара и прекратил свои расспросы. Ему было достаточно и того, что старший брат с ним занимается. Вон, и веточки на его майке-бандане заботливо поправил.

Соня их даже не заметила, пока они не вынырнули перед ней прямо из травы.

– Ой! – воскликнула она. – Как рейнджеры!

Макар, услышав про рейнджеров, сразу же набрал пальцем с мольберта немного коричневой краски и вымазал Лadoшкино лицо. Вид у Лadoшки стал устрашающим и смешным одновременно. Во всяком случае, Соня приснула:

– Кузнечик! Только краска, между прочим, не очень-то и отмывается, – тут же добавила она.

А Лadoшке, похоже, и не надо было, чтобы краска отмывалась. Он опять нырнул в траву и уполз в сторонку.

– Видно? – таинственным голосом шепнул он из укрытия.

– Растворился в зарослях! – похвалил Макар и спросил Соню: – Ничего не видела подозрительного? Ты же вот деревню срисовываешь...

– Но не фотографирую же, – ответила Соня. – Хотя... Кажется, я видела нашего утреннего гостя. Хорошо, что у него голова такая заметная, а панаму он не носит.

– И куда он направился? – встрепнулся Макар.

– Его лысина мелькнула несколько раз среди домов и пропала, – ответила Соня.

– Об этом я и спрашиваю: где пропала? – нетерпеливо уточнил Макар.

– Кажется, за крайним домом, – неуверенно сказала Соня. – Да, за домом, а потом и в кустах, там, где стожки.

– Ничего себе! – воскликнул Макар. – Да это же направление к усадьбе! Самое важное заметила, а говоришь так, будто птичку какую-нибудь нечаянно увидела. Ведь Ключев отправился к дворцу. Утром сказал, что нам там нечего делать, а сам... Что его интересует?

– Но он же художник, – стала будто бы оправдывать Ключева Соня. – Может, натуру выбирает.

– Натуру! – хмыкнул Макар. – Чего же он нас туда не пускает? Это его собственность? Нам нельзя, а ему можно?

– Вот ты сейчас как раз ему уподобляешься, а сам не замечаешь этого, – поморщилась Соня. – Почему ты считаешь, что он не может везде гулять?

– Не считаю, не считаю, – отмахнулся Макар. – Только пусть и он не считает. Если он хочет там бродить в одиночестве, без лишних свидетелей, значит, что-то интересует его, да? И интересует так, что он совсем не хочет присутствия посторонних. Этого уже достаточно для слежки!

Соня пожала плечами:

– По-моему, можно просто его спросить. Это будет нормальная человеческая реакция.

– Нет уж, не будем мы его ни о чем спрашивать, – решительно сказал Макар. – Выследить интересней.

Ладошка даже подпрыгнул при этих словах от радости – так, что ветки на его голове качнулись, как целый куст.

– Быстрее, быстрее пойдем следить! – воскликнул он.

Наверное, это был один из редчайших случаев в жизни, когда Макар соглашался с младшим братом.

– Ты будешь нас прикрывать, – сказал он Соне. – Твой мольбертик как раз для этого пригодится. И старайся быть на виду, будто ты ищешь эту, как ее, натуру.

Соня вздохнула. Видно, ей не очень хотелось подчиняться.

– Мольберт, между прочим, – сказала она, – служит для других целей, а вовсе не для прикрытия слежки.

Но мольберт она все-таки сложила – значит, согласилась помогать.

Рошу от усадьбы отделял овраг. Соня обошла его кругом, через луг, а братья юркнули в густые заросли – напрямик. Ладошка старался не отставать от Макара, да это было и нетрудно: из-за крапивы и высокой травы тот шел медленно. По дороге он сделал маскировку на себе и Ладошке еще гуще, добавив веточек. Теперь можно было не особенно и приседать – над верхним краем крапивы только покачивались ветки на их замаскированных головах.

На противоположном берегу оврага в траве виднелись остатки древней каменной ограды – границы усадьбы. Макар поднял руку.

– Сейчас – тише, – шепнул он. – Повторяй все мои движения.

Но и без этого предупреждения Ладошка копировал Макара, как волчонок волчицу во время обучения на охоте.

Соня мелькала вдалеке за деревьями. Она двигалась по склону холма и была видна как на ладони. Если лысый и заметит посторонних, то, конечно, увидит сначала ее. Макар порадовался своему точному расчету. Он решил не торопиться – не высовываться же на открытую площадку.

Когда-то, наверное, здесь был прогулочный парк: в траве различались тропинки с утрамбованными мелкими камешками, по сторонам торчали пни от старых деревьев. Макар удивился: зачем кому-то понадобилось спиливать деревья в парке, если совсем рядом находится самый настоящий лес?

На противоположной стороне этой открытой площадки виднелись руины дворца. Макар прислушался. Шагов не слышно, куда же девался Ключев? Может, Соня ошиблась? Но надо было ждать – слежка требует выдержки и терпения. Пять и даже десять минут – не время для получения желаемого результата. А вот какого результата они ждут? Макар не мог ответить на этот вопрос. Но ведь для того слежка и существует, чтобы разобраться, что к чему.

Вдруг за развалинами треснула сухая ветка. Кто-то шел! Макар пригнулся и сделал знак Ладошке, чтобы он поступил так же. Сквозь ветки кустов площадка просматривалась хорошо. Зашуршали камешки, и на тропинке показался человек. Макар готов был увидеть Ключева и потому удивился – по дорожке осторожными шагами ступал незнакомый мальчишка. Он как будто боялся сделать лишнее движение. Двумя руками мальчишка держал перед собой странную палку, напоминающую большую рогатку без резинки. Мальчишка держал эту рогатку за два конца, отставив рукоятку от себя. При этом он так сосредоточенно на нее смотрел, будто

ждал, что на ее конец сейчас сядет птичка. Словно загипнотизированный, мальчишка прошел по дорожке, потом покружился по траве, подошел к кустам, за которыми сидели Макар и Ладоска.

«Может, он сумасшедший? – подумал Макар. – И представляет, что едет на велосипеде, а рогатка – руль...»

Послышались еще шаги. По дорожке шел точно такой же мальчишка, держа в руках точно такую же рогатку. Теперь уже было совсем похоже, что на прогулку вышли сумасшедшие. Не обращая внимания друг на друга, мальчишки «рулили» своими рогатками, будто и в самом деле управляли какими-то непонятными средствами передвижения. Они кружили как заведенные, чудом не сталкиваясь друг с другом. Через пять минут, обойдя всю площадку вдоль и поперек, мальчишки почему-то вздохнули, взяли свои рогатки так, как берут обычные палки, и скрылись за развалинами.

Макар ничего не понимал. На сумасшедших мальчишки явно не походили. Может, они играли в какую-то неизвестную ему игру? Надо обязательно посмотреть, что эти мальчишки будут делать дальше! Но как же их догнать? По зарослям выходило далековато, к тому же надоело обжигаться крапивой, цепляться за сухие ветки и всякие колючки. Площадка была пуста. И Макар решил рискнуть. Дернув за руку Ладоску, он рванул напрямик по совершенно открытому месту. Почему-то показалось, что на них сейчас кто-то смотрит – всегда возникает такое ощущение, когда выскакиваешь из укрытия...

За руинами он опять шмыгнул в кусты. Не прятаться же за камнями, среди которых маскировочные ветки будут бесполезными! А вот в кустах они сливались с остальными листьями и укрывали более надежно.

Чтобы осмотреться и привыкнуть к новому месту, хватило нескольких секунд. Мальчишки далеко не ушли – теперь они блуждали между разбросанными камнями, спускаясь с противоположной стороны усадьбы к реке. И опять они выставили перед собой рогатки, и опять шли осторожно! Макар даже забыл про Клюева, пытаясь разгадать странное поведение мальчишек. Хорошо бы приблизиться... Но теперь уже не выскочишь на открытое место незамеченным.

Он стал пробираться через кусты. Сзади слышалось терпеливое сопение Ладоски. Наверное, он догадался ступать в следы Макара – ни единого шороха не раздавалось, ни одна веточка не хрустнула! За густым кустом Макар приостановился, потому что мальчишки поворачивали обратно. Вот сейчас они пройдут совсем близко. Может, будут переговариваться и удастся понять, что же они делают? Макар даже выставил вперед одно ухо, чтобы лучше слышать...

– Ага! – раздался громкий крик прямо над этим ухом. – Попались! Мишка, Гришка! Быстрей сюда, я тут каких-то чужих поймал! Они за нами наблюдают!

Почувствовав на своем плече цепкую руку и поняв, что «чужие» – это они с Ладоской, Макар поднялся во весь рост и оглянулся. Перед ним стоял долговязый паренек, помахивая увесистой дубинкой.

– Только попробуй бежать, – пригрозил он. – Как врежу! Вы чего тут делаете? Ну, отвечай!

Макар растерялся и ухватился за дубинку. Парень тянул ее к себе, Макар не отпускал.

– Беги к Соне! – крикнул он Ладшке. – Я... тоже сейчас прибегу!

Ладошка испуганно посмотрел на Макара, потом оглянулся. И наверное, решив, что сейчас лучше все-таки бежать за помощью, припустил со всех ног. Так смешно покачивались веточки на его голове... Но Макару сейчас было совсем не до смеха.

Глава IV

Ромео и Джульетта

– Бежать он собрался! – ухмыльнулся долговязый парень, вырвав дубинку и отступив на шаг. – Держите его!

Макар почувствовал, что его схватили за руки сразу с двух сторон. Сопротивляться было бесполезно. Один против троих?

– Ты что тут делаешь? – повторил свой вопрос парень с дубинкой. – Тебя кто подослал?

Последние вопросы Макар оставил без ответа. А на первый ответил таким же вопросом:

– А вы что здесь делаете?

– Это наше дело, – зло усмехнулся долговязый. – Много будешь знать, мало будешь жить. Тебя кто подослал за нами следить?

И вдруг Макару показалось, что среди руин мелькнула знакомая лысина. Как будто кто-то сверкнул солнечным зайчиком.

– Лысый... – прошептал он и осекся.

Парень удивленно заморгал глазами:

– Что-о? Ключев? А ему что здесь надо? Сашок сказал, это наша территория... А, вот и он!

От руин приближался человек. Макар присмотрелся – он ожидал, что это будет Ключев, но это оказался еще один незнакомец. Что-то многовато народу вдруг появилось в таком безлюдном месте!

– Что за проблемы? – спросил подошедший, сверкнув золотой оправой очков и таким же золотым зубом. На плече и запястье у парня красовались татуировки. – Почему прекратили работу?

– Да вот, Сашок, все проблемы перед тобой. Следили за нами, – сказал парень с дубинкой и скомандовал: – Отпустите его!

Макар с облегчением почувствовал, что двое мальчишек, державших его, разжали руки.

– Следили? – усмехнулся Сашок. – А чего за нами следить? Мы ничего не делаем плохого. Этот мальчик, наверное, в казаков-разбойников играл. Пусть продолжает играть, только не здесь. Да, мальчик?

Макар пожал плечами. Что можно было ответить? Особенно когда к тебе обращаются по-дурацки – «мальчик»! Ясно, что не девочка.

– Отведите мальчика к деревне, – скомандовал Сашок. – А он будет знать, что играть здесь больше нельзя.

Макара повели, как под конвоем. Он оглянулся и увидел, что Сашок опять направился к развалинам. Кто-то из сопровождавших мальчишек хихикнул и дернул за веточку маскировки на голове Макара. Он понял, что действительно выглядит смешно, и сорвал все ветки с головы, а майку расправил и натянул на себя.

Где же Лadoшка? Успел добежать до Сони или спрятался в кустах? Вот и часовня, вот и склон холма, на котором Макар совсем недавно видел Соню... Сейчас впереди никого не было.

И вдруг раздалась пронзительная трель свистка! И Макар, и мальчишки даже присели от неожиданности.

– Что это? – спросил кто-то из них.

Воспользовавшись замешательством, Макар выскользнул из окружения мальчишек и рванул вниз по склону. Позади себя он услышал быстрый топот, оглянулся на мгновение и увидел, как мальчишки быстро убегают в противоположную сторону.

За ближайшим густым кустом Макар увидел Лadoшку и Соню. У Сони в руке был самый обыкновенный свисток, который обычно называют милицейским – наверно, потому что им

пользуются регулировщики-милиционеры, пытающиеся разрегулировать пробки на московских перекрестках. И откуда Соня взяла этот свисток?

– Что случилось? – встревоженно спросила она. – Кто вас схватил? Ладощка прибежал такой испуганный...

– Пойдем, пойдем быстрее отсюда подальше, – выдохнул Макар, выхватывая у Сони мольберт. – Я ничего не понимаю!

У изгороди, которая спасительной цепочкой тянулась к дому, они остановились. Макар быстрой скороговоркой пересказал случившееся, снимая оставшиеся маскировочные веточки с Ладощки, и спросил:

– А откуда ты свисток взяла?

– Я его всегда в мольберте ношу, – пояснила Соня. – Меня одна девочка научила, чтобы отпугивать назойливых зевак. Подойдет кто-нибудь любопытный, начнет в картину заглядывать, расспрашивать или советы давать – вот свистком в крайнем случае можно и отпугнуть.

– Ничего себе, а я и не знал! – удивился Макар. – Вот и приключился с нами... крайний случай. Довольно странный, надо сказать.

– Они что, хулиганы? – спросил Ладощка. – Или бандиты?

– А кто их знает? – вздохнул Макар. – Делишки какие-то у них там... Рогатины эти носят перед собой. Зачем? А мне показалось, что среди развалин я Клюева видел. Тогда почему этот парень удивился, когда я о лысом сказал?

Соня задумалась.

– Во-первых, ясно, что мальчишки эти со своим предводителем – одна компания, – сказала она. – Во-вторых, ясно, что Клюев с ними не связан. А вместе с тем и у них, и у него какие-то дела в усадьбе. Похоже, художник тоже, как и мы, следит за этими мальчишками. Вот только зачем?

– И зачем они там рыскают, как будто что-то ищут? – спросил Макар. – Этот Сашок еще сказал: почему работу прекратили? В чем заключается эта работа?

– Вы все спрашиваете друг у друга, а не отвечаете, – сказал Ладощка. – И я не понимаю ничего.

– Как будто мы понимаем, – вздохнул Макар и встрепенулся: – Смотрите!

От усадьбы, прячась за кустами, пробирался к деревне Клюев. Ребята присели за высокой травой.

– Выходит, мы с ним заодно, – пробормотал Макар. – Следили за ним, а оказалось, что вместе отслеживаем эту компанию. Странностей прибавляется... Часовня, стожок, палки-рогатины... Впрочем, и действующих лиц прибавилось. Но почему все так старательно не пускают нас в эту усадьбу?

– Нам нельзя никого отслеживать, – сказала Соня. – Во всяком случае, применять всякие хитроумные способы, вроде вашей маскировки. Этим мы вызываем подозрение. А вот если мы будем себя вести как самые обычные люди, никто не посмеет нас тронуть.

– Самые обычные! – хмыкнул Макар. – Как же мы тогда что-то узнаем? Самым обычным людям и известно все самое обычное. Цветочки, травка, пейзажики всякие... Ясно, что добровольно никто не собирается нам выдавать никаких секретов. Значит, смириться с этим?

Клюев добрался до крайней избы, оглянулся на усадьбу и потер руки, будто чему-то радовался.

– Довольный! – зло шепнул Макар. – Ну подожди, лысик, узнаем мы твою тайну...

– Лысик, пыстик, огуречик, вот и вышел человечек, – хихикнул Ладощка. – Соня, нарисуй его карикатуру!

– Не до карикатур, – одернул его Макар. – Нам еще рассмотреть его надо хорошенько. В самых разных ситуациях.

Соня задумчиво молчала. Но это даже радовало Макара. Раз она задумалась – обязательно придет к какому-нибудь решению. Поэтому Макар не спешил высказываться, чтобы не помешать ее мыслям.

– Папа говорил, что поедет в Москву, – наконец сказала Соня. – Вот мы и дадим ему несколько заданий. Во-первых, как можно больше узнать про усадьбу Гагариных в селе Красные Петухи. Во-вторых, навести справки об этих рогатинах. Может быть, это какая-нибудь древняя народная игра или обычай. Я как-то читала, что в некоторых местностях деревенских мальчишек просят вызывать дождь, когда устанавливается длительная засуха. Где-то принято, чтобы мальчишки бегали раздетыми по воображаемым лужам и кричали от радости, будто дождь уже пошел, где-то – чтобы мальчишки размахивали большими ветками и тоже кричали, созывая облака... Может быть, эти странные блуждания с рогатинами – тоже из разряда таких народных обычаев.

– А дубиной замахиваться на незнакомых – тоже из этого разряда? – съехидничал Макар. – Не похожи эти мальчишки на тех, кто знаком с народными обычаями... Во всяком случае, гостеприимством они не отличаются.

– И в-третьих, про часовню придется папе сказать, – продолжила Соня. – Может, он сумеет разгадать секрет этого странного звука.

– Не странного, а страшного, – подсказал Ладощка.

– Это то же самое, – махнул рукой Макар. – Странное всегда страшное, пока неизвестное.

– А мы, пока папы не будет, просто понаблюдаем, – сказала Соня. – Без всякой особенной слежки.

Макар пожал плечами. Что ж, можно согласиться с этим планом. Тем более что между слежкой и наблюдением почти никакой разницы. Все дело в том, как понимать эти два действия.

Дома Ладощка сразу же бросился к клетке с хонориком.

– Бедненький Нюк! – запричитал он. – Мы гуляем, а он сидит взаперти! Как арестованный...

Макару показалось, что Нюк слушает эти слова с хитренькой мордочкой. Да и по Ладощкиной мордочке скользнула едва заметная тень хитрости.

– Ты вот что, – предупредил Макар брата, – не вздумай доброе дело сделать – Нюка освободить. Решишь его на пять минут выгулять, а потом мы его до конца лета будем разыскивать. Если еще разыщем.

Ладощка почему-то не ответил. И даже не обернулся в сторону Макара.

– Ты понял? – уже грозно переспросил тот. – Хонорик ведь не совсем домашний зверек. Убежит!

– Понял... – наконец вздохнул Ладощка. Похоже было, Макар угадал его тайные мысли. – Придется тебе, Нюк, без свежего воздуха сидеть.

– Разве мы не выносим его в клетку на улицу? – удивился Макар. – Достаточно ему воздуха! И по дому побегать выпускаем, когда окна и двери закрыты.

Папа в это время с улыбкой слушал, как Соня подробно и обстоятельно перечисляла все пункты задания для поездки в Москву. Когда она дошла до часовни, он удивился:

– Ну хорошо, про усадьбу князей Гагариных узнать нетрудно, я даже удивляюсь, почему раньше не поинтересовался подробностями. И про эти палочки, с которыми местные ребята бегают, порасспрашиваю у своих коллег. В литературе мне такой обычай не встречался, но, может быть, кто-нибудь сталкивался с чем-то подобным. Но как я в Москве узнаю, почему гудит какой-то купол старой часовни, расположенной в деревне под Владимиром? Не лучше ли еще раз сходить туда да и обследовать часовню хорошенько?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.